

Университет Н, мужское общежитие, комната 404.

Ло Ляньюнь и Шу Тинью как раз собирались вздремнуть после обеда, когда дверь внезапно открылась — это был Чи Ван.

Он вошел, взглянул на грязный пол в общежитии и не смог удержаться от замечания:

— Шу Тинью, сегодня же твоя очередь убираться? Ты что, собираешься оставить общежитие в таком состоянии?

Шу Тинью, который уже лег, вскочил от слов Чи Вана и побежал за шваброй.

— Я сейчас же все почищу.

Чи Ван вышел на балкон за чайником с горячей водой и увидел там одежду, которую Ло Ляньюнь выбросил в ведро прошлым вечером, от нее уже сильно пахло.

Ло Ляньюнь быстро натянул на голову тонкое одеяло, но это не помешало Чи Вану позвать его:

— Ло Ляньюнь, вставай и постирай одежду — она уже начинает вонять.

Ло Ляньюнь промолчал.

Он не стал спорить и спустился с кровати, чтобы послушно постирать одежду, оставшуюся с прошлой ночи.

Чи Ван недолго задержался в общежитии. Наполнив свой стакан водой, он наблюдал за Шу Тинью, который, к его удовлетворению, закончил мыть пол. Перед уходом он сказал Ло Ляньюню и Шу Тинью:

— Когда вернусь, принесу вам травяной чай.

Шу Тинью тут же ответил:

— Хорошо, хорошо. Обязательно вернись пораньше — занятия в три часа дня.

Чи Ван кивнул и ушел.

Развесив выстиранную одежду сушиться, Ло Ляньюнь снова лег.

Их общежитие было рассчитано на четырех человек, но жили там только трое. Четвертым был богатый парень, который переехал за пределы кампуса, как только начался семестр. Ходили слухи, что его семья купила ему дом неподалеку.

Из оставшихся троих Чи Ван был самым молодым. Ему исполнилось восемнадцать во время летних каникул после первого года обучения в университете, так как он перескочил через класс. Когда он только приехал, его лицо все еще сохраняло мягкую округлость детской пухлости, что придавало ему юный и сияющий вид, а в его улыбке сочетались солнечный свет и застенчивость.

Несмотря на то, что он был на год младше своих сверстников, Чи Ван вел себя гораздо зрело, чем его сверстники, и, естественно, Ло Ляньюнь и Шу Тинью были склонны его слушаться.

В мужских общежитиях часто царил определенный беспорядок. И Ло Ляньюнь, и Шу Тинью были симпатичными парнями, даже красивыми, но их личные привычки оставляли желать лучшего. Одежда, оставленная на ночь, разбросанная обувь, личные вещи — таково было обычное явление.

Однако Чи Ван был другим. Страдая от легкой формы гермафобии и почти навязчивого чувства порядка, он поначалу сдерживался из вежливости, поскольку все они были незнакомы. Но как только они познакомились, он без колебаний установил свои стандарты, следя за тем, чтобы в их общежитии всегда было чисто и опрятно.

Шу Тинью часто шутил, что Чи Ван напоминает ему мать. Он не ожидал, что поступление в университет будет означать возвращение в объятия матери.

И Ло Ляньюнь, и Шу Тинью тайно восхищались Чи Ваном. Его семья была скромной; он приехал в университет один, с минимальным багажом — всего несколько комплектов одежды и две пары обуви, большая часть которой была изношена и выцветшая. Было ясно, что он происходит из бедных семей.

Однако, судя по его поведению и внешности, так не скажешь.

Чи Ван был исключительно красив. Когда он только поступил в университет, его детская пухлость придавала ему свежий и молодой вид. Его яркие, угольно-черные глаза были словно нарисованными, нос — острым и элегантным, а губы — естественно розовыми. При росте в 1,8 метра — впечатляющий рост для человека с юга, он был воплощением чистой и утонченной красоты.

Для человека из менее обеспеченной семьи, даже обладающего привлекательной внешностью, трудно полностью избавиться от замкнутости и неуверенности, которые сопровождают финансовые трудности. Но Чи Ван был другим. Он держался непринужденно и уверенно,

создавая тонкое ощущение противоречия.

Он никогда не скрывал своего финансового положения. Работа на трех работах в день его нисколько не смущала.

Трудно было представить, как Чи Ван совмещал три работы с такой сложной специальностью. Он использовал каждую свободную минуту на полную катушку, не позволяя этому мешать учебе. Более того, на первом курсе он был лучшим студентом на профессиональных курсах — настоящий выдающийся студент.

Ни Шу Тинью, ни Ло Ляньюнь не могли сравниться с ним.

Что еще более впечатляет, Чи Ван был невероятно умным и осваивал новые навыки с поразительной скоростью. На первом курсе Шу Тинью записался на уроки игры на гитаре. Во время занятий в общежитии Чи Ван, после окончания своих смен, учился вместе с ним. Вскоре Чи Ван освоил инструмент и начал использовать этот навык для другой работы — в качестве гитариста-замены в барной группе. Он работал там примерно раз в неделю, зарабатывая более тысячи юаней в месяц.

На этом фоне уроки игры на гитаре, которые брал Шу Тинью за 7000 юаней, казались почти смешными.

Оба они интересовались тем, как Чи Ван распоряжается своими финансами. После года напряженной работы у него все должно было быть хорошо. Тем не менее, он по-прежнему жил экономно, редко покупал одежду, питался просто и вел скромный образ жизни. Было непонятно, куда уходили все заработанные им деньги.

Когда его спросили об этом, Чи Ван отмахнулся от вопроса уклончивыми ответами.

Шу Тинью подозревал, что у Чи Вана могут быть личные проблемы, но никто не мог вытянуть из него ничего конкретного. Хотя Чи Ван обычно был добродушным, он предельно ясно давал понять, чем следует и чем не следует делиться.

Иногда Шу Тинью и Ло Ляньюнь чувствовали, что совсем не понимают Чи Вана.

На время эти мысли были отложены в сторону. Они вздремнули после обеда, и Чи Ван вернулся с двумя стаканами ледяной воды с лимоном.

Несмотря на невысокую стоимость, получение угощений от бережливого Чи Вана было скорее проявлением сентиментальности, чем стремлением к обладанию ценностью.

В тот момент Чи Ван совмещал три работы. Он работал репетитором для старшеклассников, зарабатывая 180 юаней в час за два часа каждый вечер, что в сумме составляло более 10 000

юаней в месяц. Еще одной работой была гибкая стажировка в стартапе, куда он устроился летом. Хотя изначально за летние каникулы платили хорошо, более 10 000 юаней, теперь в течение семестра платили всего 100 юаней в день. Последней работой была подработка гитаристом, которая приносила более тысячи юаней в месяц. В общей сложности его ежемесячный доход составлял около 16 000 юаней.

Для студента это было впечатляюще — больше, чем зарабатывали многие офисные работники. По всем правилам он мог бы жить на широкую ногу, но Чи Ван оставался бережливым.

Шу Тинью держал в руках свою ледяную лимонную воду, едва сдерживая слезы. Отпивая через соломинку, он спросил:

— Ты не устаешь от того, что пропускаешь дневной сон?

Чи Ван ответил:

— В нашем возрасте кто вообще может спать днем?

Шу Тинью:

— ... Говори за себя.

И Шу Тинью, и Ло Ляньюнь нуждались в дневном сне; без него они чувствовали себя измотанными весь день.

Однако у Чи Вана такой проблемы не было. Его неиссякаемая энергия была направлена на работу.

Все трое специализировались на электротехнике. За исключением факультативных предметов, их расписание занятий было идентичным. Они взяли учебники и вместе отправились на занятия.

Их специальность была печально известна тем, что на ней преобладали мужчины, а в их группе было всего две девушки. Даже с привлекательной внешностью Ло Ляньюня и Шу Тинью у них не было никаких возможностей — их ждал лишь монашеский храм.

Чи Ван же, напротив, оставался невозмутимым. Если бы все зависело от него, он бы посвятил все свое время работе; на все остальное у него не оставалось времени.

Ло Ляньюнь вдруг что-то вспомнил и повернулся к Чи Вану.

— Кстати, намечается вечеринка, будут студенты из соседнего университета. Ты обязательно должен прийти. Я слышал, там будет их королева кампуса. Я видел ее лично — светлая кожа, красавица, длинные ноги.

Ло Ляньюнь, заядлый интернет-пользователь, был глубоко вовлечен в студенческие сплетни и знал все о самых красивых девушках и красавцах из окрестных университетов.

Чи Ван не проявил интереса.

— Не пойду. У меня работа.

Ло Ляньюнь раздраженно застонал.

— Ты скоро закончишь учебу! Если не начнешь встречаться с кем-нибудь сейчас, то после будет сложнее найти себе пару.

Чи Ван спокойно ответил:

— Мой партнер — это моя работа.

Ло Ляньюнь:

— ...

— Ладно, — пробормотал Ло Ляньюнь. Он и так знал, что Чи Ван так скажет. После года наблюдений стало ясно, что у Чи Вана нет никаких развлечений — он всегда либо работает, либо едет на работу.

На первом курсе Чи Ван благодаря своей свежей и яркой внешности стал сенсацией в кампусе. Когда в университете Н проводился ежегодный конкурс «король и королева кампуса», имя Чи Вана быстро стало широко известно.

Ранее титул «короля кампуса» носил старшекурсник по имени Се Сихэн. Ло Ляньюнь видел его раньше и признал, что даже будучи парнем, Се Сихэн был необычайно красив — его титул был вполне заслуженным, и даже короли кампуса соседних университетов меркли по сравнению с ним.

Говорили, что Се Сихэн происходил из богатой семьи и отлично учился — настоящий золотой мальчик. Он держал титул три года подряд, без сомнений, очаровывая первокурсниц год за годом.

Когда появился Чи Ван, он составил серьезную конкуренцию Се Сихэну. Их голоса шли практически вровень, и в итоге Чи Ван проиграл всего лишь с разницей чуть более 3000 голосов.

По иронии судьбы, пока на форуме обсуждались результаты голосования, сам Чи Ван ничего не знал об этом. Его заботила только работа.

После окончания конкурса Ло Ляньюнь сообщил Чи Вану о результатах, но Чи Ван не проявил интереса.

«Король кампуса» — это был пустой титул, не способный улучшить резюме или принести какие-либо ощутимые выгоды. В его глазах это было просто детской забавой.

Конечно, если бы должность сопровождалась зарплатой, отношение Чи Вана могло бы быть другим — он был человеком, прежде всего, практичным.

С наступлением летней жары лекционные залы университета Н — старого учебного заведения, предлагали лишь ограниченное кондиционирование воздуха. В каждом зале был всего один кондиционер, поэтому прохладно было только в первых рядах, и всем приходилось тесниться в передней части аудитории.

Все трое опоздали и были вынуждены сесть сзади.

Как только Чи Ван сел, его стул зловеще закрипел. Он быстро встал, и стул с громким треском рухнул.

Ло Ляньюнь и Шу Тинью ничуть не удивились. Честно говоря, Чи Ван, похоже, страдал от полосы неудач. Он мог споткнуться, идя по общежитию, или подавиться глотком воды — классический пример «проклятого» человека.

Сам Чи Ван к этому привык. Он присел на корточки, стучал молотком и возился со стулом, пока не собрал его по частям и не сел.

Ло Ляньюнь понизил голос и сказал:

— Я серьезно. Тебе следует сходить в храм и помолиться. Такое количество неудач просто невероятно.

Как так получилось, что их стулья были в отличном состоянии, а Чи Вану достался тот, который выглядел нормально, но сломался прямо под ним?

Чи Ван ответил:

— Я воин материализма. Я верю только в христианство.

Ло Ляньюнь:

— ?

Воин-материалист, верящий в христианство?

Шу Тинью выразил недоумение:

— Почему христианство?

Чи Ван объяснил:

— Во время церковной службы раздают яйца и молоко.

Шу Тинью:

— ...

Ло Ляньюнь:

— ...

Слишком прагматично, братан.

<http://bllate.org/book/14359/1272018>